

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ

Е.Н. Строганова¹

Тверской государственный университет

Е.В. НОВОСИЛЬЦЕВА КАК ИСТОРИК ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Статья посвящена собирательской деятельности Е.В. Новосильцевой, в 1850–1880-х гг. составившей свод устных рассказов выходцев из простонародной среды о войне 1812 года. Рассмотрены основные темы и мотивы воспоминаний, специфика отношения информантов к событиям и эмоциональный тон рассказов.

Ключевые слова: устные рассказы, этнография войны, повседневная жизнь, «скрытая теплота патриотизма», отношения с французами.

E.N. Stroganova

Tver State University

E.V. NOVOSILTSEVA AS A HISTORIAN OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812

The paper dwells on the collector's work by Ekaterina Vladimirovna Novosiltseva (T. Tolycheva), who compiled a set of oral short stories told by the common folk (1850–1880). Special consideration is paid to the main memorial themes and motives, characteristic of informants' attitude towards the events and the emotional content of the short stories.

Key words: oral short stories, war ethnography, everyday life, 'concealed affection of the patriotism', relations with the French.

В обширном списке мемуаров об Отечественной войне весьма невелик корпус воспоминаний выходцев из непривилегированных сословий, чей образовательный уровень и условия жизни были далеки

¹ Евгения Нахимовна Строганова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра тверского краеведения и этнографии Тверского государственного университета

от письменной культуры. То малое, чем мы сегодня располагаем, сохранилось благодаря усилиям людей, понимавших необходимость многостороннего подхода к мемориализации событий и ценность субъективного взгляда каждого очевидца. Одной из пионерок в этой области была писательница Екатерина Владимировна Новосильцева (1820–1885, псевдонимы *Т. Толычева* или *Т. Толычова*, *Т. Н.*)¹, которая в 1860-х годах начала записывать рассказы выходцев из простонародной среды о прошедших войнах. Крымская война обострила в русском обществе чувство истории и стимулировала интерес к сохранению памяти о событиях военного времени². Новосильцева записывала рассказы свидетелей обороны Севастополя, но приоритет отдавала воспоминаниям о 1812 годе, понимая, что со временем информантов становится все меньше. Основываясь на устных рассказах монахинь, богадельников, священнослужителей и их жен, крестьян, мещан, купцов, она создала уникальный свод воспоминаний (более сорока), к которым до сих пор обращаются историки войны 1812 года.

Новосильцева выросла в атмосфере родовых преданий, и ее деятельность по собиранию рассказов о событиях прошлого не была случайной. Отец писательницы Владимир Григорьевич Новосильцев, офицер 16-го Иркутского гусарского полка, принимал участие в войне с Наполеоном и вел походные записки. В одном из своих сочинений она приводит фрагмент из этих записок, касающийся отступления русских войск через Смоленск: «Стенания разоренных жителей, лишенных крова, и вопли невинных раздирают сердце каждого солдата. Бедная женщина – мать трех детей, из коих двое были еще так малы, что не могли ходить, будучи принуждена спастись бегством и не имея сил нести обоих, убила своими руками одного из них и, взяв на плечи другого, оставила город. Вот картины, которые мы видели во время нашего отступления» [Толычева 1880, с. 204]. Вполне закономерно, что война 1812 года, запечатленная в семейных

¹ О литературно-общественной деятельности Е.В. Новосильцевой [Острейковская 2006, с. 63–71; Острейковская 2011, с. 144–159; Острейковская 2010, с. 259–268].

² По данным А.Г. Тартаковского в 1850–1860-е годы было опубликовано 55 мемуаров, посвященных войне 1812 года [Тартаковский 1980, с. 139].

преданиях, ощущалась Новосильцевой как живое, лично ее касавшееся явление.

Первые «мемуарные записи» (термин А.Г. Тартаковского) Новосильцевой о войне с французами были опубликованы в 1865 году в журнале «Детское чтение», с 1872 года печатались в «Московских ведомостях» и «Русском вестнике». В том же году была издана книга «Рассказы очевидцев о двенадцатом годе» [Т.Н. 1872¹], куда вошли тексты из «Русского вестника»; через год под тем же названием появилась вторая книга, которую составили публикации из «Московских ведомостей», – по составу эти книги не дублируют друг друга [Толычева 1873]². В переработанном виде мемуарные материалы писательница включила в книгу для детского и народного чтения «Рассказ старушки о двенадцатом годе» [Толычева 1878], выдержавшую огромное число переизданий³.

Среди собранных Новосильцевой рассказов об Отечественной войне выделяются две группы текстов – о московских и смоленских событиях. На момент наполеоновского нашествия информантам было от 8 до 22 лет, и возраст во многом определял восприятие событий. Те, кто был младше, признавались, что поначалу новизна происшедшего оказывалась для них своего рода развлечением: «...не смыслила я еще, что Господь горе посылает, а любо мне, что такая идет суматоха на селе» [Толычева 1880, с. 217].

В сюжетном отношении рассказы вполне однотипны, например общая канва московских историй такова:

тревожное ожидание французов и попытки спрятать свое добро (обычно его зарывали в землю), иногда появляется мотив надежды, подогреваемой «ростопчинскими» афишами;

приход французов, начало пожаров; основной мотив этого периода – бытовые тяготы, бездомность, поиски пропитания;

¹ В это издание вошли все рассказы из «Русского вестника» с добавлением второго рассказа из «Детского чтения». Тексты цитируются по журнальным публикациям.

² Тексты цитируются по второму изданию [Толычева, 1912].

³ Переизд.: 1886, 1891, 1892, 1894, 1896, 1897, 1899, 1903, 1905, 1911, 1912, 1916, 2011. К эпохе войны 1812 года отнесены события и в другом рассказе [Толычева, 1870], однако документальная основа представлена здесь незначительно (переизд.: 1886, 1891, 1893, 1896, 1899, 1907).

взаимоотношения с французами;
уход неприятельской армии, взрыв в Кремле;
мародерство русских: «...многие из наших грабили не хуже
неприятеля» [Толычева 1912, с. 51]; постепенное водворение порядка.

Эта канва с разной степенью полноты присутствует во всех рассказах.

Обязательным структурным элементом мемуарных историй являются вопросы взаимоотношения завоевателей и коренного населения: поведение французов и их обращение с русскими и – соответственно – восприятие оккупантов и реакция на них. Все информанты вспоминают о мародерстве французов, повсеместном разграблении монастырей, церквей, частных домов: «Храмов наших они не уважали: в церкви Иоанна Богослова был у них склад, провиант у них тут лежал, а в теплом Успенском соборе больницу устроили. У нашего соседа умерла девочка, и пошли мы ее хоронить к церкви Архангела Михаила. Как засыпали мы яму над телом, я заглянул в храм и вижу: там лошади стоят. А в соборе Успенском и в которых еще церквях, что не были ограблены, совершалась постоянно служба» [Толычева, 1880, с. 215]; «В самых алтарях даже спали, а на престолах обедали <...> В нашей трапезе лежали их больные» [Толычева, 1912, с. 14]. Но вместе с тем многие мемуаристы отмечают инициированную французским командованием установку, чтобы населению не наносилось обид. В ряде рассказов присутствует фигура «добротного генерала» или чиновника (в некоторых случаях даже названы имена), который выступает в роли заступника: «...обижать они нас не обижали, и мы за ними покойно жили, потому где были начальники, солдаты шалить не смели» [Т.Н., 1872, с. 279] и др. Это в первую очередь касается женских монастырей, которые также разграблялись, но к ним была приставлена французская охрана и на ворота вешался ярлык о том, что монастырь находится под защитой. В монастырских церквях происходило богослужение, причем французские солдаты относились к этому не только с любопытством, но и с должным уважением: «Любопытно им, видно, было. Войдут, нам <монахиням> поклонятся и смотрят. Иной раз между собой пошепчутся, а стояли всегда прилично» [Толычева, 1912, с. 83].

В рассказах немало бытовых сценок, показывающих, что французы не обижали монахинь и были добры к детям: «На другой день пришли к нам французы. Мы так и обмерли, да они нас стали

успокаивать, нас – детей – приласкали, а с матерью начали толковать...» [Толычева, 1882, с. 5] и др. Н.В. Острейковская обратила внимание на интересный факт: мемуаристы дифференцировали французов «настоящих» и «ненастоящих», к которым относили немцев, поляков, итальянцев и других, называя их «беспардонным войском». Все рассказчики единодушны в том, что «настоящие» французы были «милосерды»: «настоящие-то французы очень добры», «добрые были люди» [Толычева, 1912, с. 13, 69; Толычева, 1880, с. 218] и др. Словом, настоящие французы воспринимались как «добрые ребята» [Т.Н., 1872. с. 273] (ср.: в романе Л.Н. Толстого капитан Рамбаль говорит: «Французы добрые ребята» [Толстой, 1980, с. 375]). В нескольких случаях даже возникает формула «наши французы» [Т.Н., 1872, с. 279; Толычева, 1880, с. 217; Толычева, 1912, с. 18, 87], которая также обращает к роману Толстого, где солдаты называют Пьера и князя Андрея «наш барин» и «наш князь». Объединяющим местоимением *наши* Толстой стремился артикулировать мысль о снятии сословных преград между представителями разных сословий в эпоху общих невзгод. Но условием такого единения становятся общие обстоятельства жизни, что показывают материалы Новосильцевой, когда «нашими» называют и неприятелей, с которыми устанавливаются добрососедские отношения.

Новосильцевой в мемуарных записях удалось запечатлеть эмоционально-психологическую атмосферу жизни и особенности мироощущения рядовых людей, не принимавших непосредственного участия в военных событиях. Разрушение привычных условий жизни и поспание традиционных ценностей определяли общее состояние растерянности и страха. Однако и сами мемуаристы, и герои их рассказов в основном выражают смирение и покорность судьбе, не теряя надежды, что их мукам скоро придет конец и жизнь вернется в прежнее русло. Всем рассказам свойственно религиозно-мистическое настроение: французское нашествие воспринимается как наказание Божие и отсюда упование на высшие силы, индивидуальные и коллективные молитвы и мольбы. Такие настроения отчасти переданы в романе Толстого, но в записях Новосильцевой, в силу специфики информантов – в подавляющем большинстве носителей наивного сознания, это становится одной из эмоционально-содержательных доминант.

Особого внимания заслуживает вопрос об отношении населения оккупированных территорий к завоевателям. Привычный толстовский образ «дубины народной войны» находит свое подтверждение и в рассказах, записанных Новосильцевой. Один из информантов-смолян вспоминает о том, что на первых порах французы пытались мирно жить с крестьянами, но те вооружались вилами и топорами. В этой связи упоминается легендарный Павел Иванович Энгельгардт, который предводительствовал своими крестьянами, а, попав в плен, отказался служить французам и был казнен [Толычева, 1880, с. 228]. Готовность к сопротивлению проявляют и другие персонажи рассказов: «...до нас доходили слухи, как они грабят села и как крестьяне вооружаются чем попало и убивают их без жалости» [Толычева, 1912, с. 33]. Одна из рассказчиц передает слова сторожа Девичьего (Новодевичьего) монастыря: «Где рогатина? Я на них что на медведей пойду: хоть одного положу» [Толычева, 1912, с. 8]. Приводятся и случаи убийства французов, если те имели неосторожность ходить в одиночку [Т.Н., 1872, с. 269, 272; Толычева, 1912, с. 28].

Однако сами информанты, как правило, не являются носителями открытого протеста. Им, скорее, свойственно сочувственное отношение к завоевателям, которых они склонны оправдывать необходимостью подчинения чужой воле: «Ведь не своею волею шли! <...> Люди тоже подневольные» [Толычева, 1865, с. 14] и т.п. Рассказывая о враждебности русских к французам, сами рассказчицы не испытывают озлобления, и в отзывах о французах нередко звучит сочувственная интонация: «сердечные», «горемычные», «несчастные», «бедняжки» [Толычева, 1880, с. 224, 225, 229]. Более того, в агрессивном поведении своих соотечественников мемуаристы видят отступление от христианских заповедей как нормы человеческой жизни. О мужике, убивавшем французов, на которых «жаль смотреть» было, рассказчица говорит: «...и года после того не прожил: его Господь наказал» [Толычева, 1880, с. 218, 229; Толычева, 1884, с. 3]. Уничтожение беспомощных французов расценивается не как необходимость, обусловленная ситуацией сражения, но как бытовое убийство. Не раз упоминается о сочувственном отношении населения к пленным французам: «Неприятелей не жалели, а пленных как не пожалеть! Привезут их, бывало, на телегах, и холодно им и голодно; были между ними и

больные. Все им помогали, кто чем мог <...> Иные хотели нам платить и подавали деньги, но никто их не брал»; «как вошли пленные в город, стали им выносить хлеба да квасу либо молока» [Тольчева, 1912, с. 33–34, 76] и т.п.

В записях Новосильцевой, ориентированных на сохранение прямого мемуарного слова, отсутствуют патриотический пафос и героическая риторика, но им присуща та «скрытая теплота патриотизма», о которой писал Толстой в «Войне и мире», определяя общее настроение русских людей. С этой формулой вполне корреспондирует реплика одной из рассказчиц: «...хотя французы нас и не обижали, а всё же они край разорjali» [Тольчева, 1912, с. 85].

С гендерной точки зрения материалы Новосильцевой корректны в том смысле, что в качестве информантов мужчины и женщины представлены в одинаковой степени. Но событийный ряд рассказов выявляет гендерные различия, резко обострившиеся в условиях войны, когда женщины чувствовали себя особенно беззащитными и опасались за свою безопасность. Мотив угрозы сексуального насилия присутствует почти во всех рассказах. Мемуаристки, к 1812 году вышедшие из детского возраста, говорят о том, что старались не попадаться на глаза французам. Это касается и упоминаемых в рассказах женских персонажей: девушки и молодые женщины прятались от французских солдат, женщины же старшего возраста старались оградить их от возможных неприятностей: мазали лицо сажей или объявляли больными [Тольчева, 1912, с. 84–85]. Очень редко встречаются в рассказах упоминания о фактах сексуального насилия («...баб наших очень забирают») и сцены такого рода: «Мы хотели через двор пробежать в сад, а они как нас увидели, так и бросились женщин ловить. Они, бедные, от них, и кричат, а французы за ними»; «Как увидели ее солдаты, так в один голос все гикнули и бросились к ней [Т.Н., 1872, с. 295, 287, 298]. В отличие от женщин, мужские рассказчики и упоминаемые мужские персонажи, независимо от возраста, чувствовали себя более свободно: без особых опасений передвигались по городу и по необходимости контактировали с французами.

Главный интерес для писательницы представляла не военная история, но этнография войны, частная, домашняя жизнь людей, не

принимавших непосредственного участия в войне¹. Эту установку она намеренно артикулировала: «Многие историки описывали уже события 1812 года, и многие еще будут их описывать: конечно, все исторические факты, относящиеся к ним, в высшей степени интересны, но для дополнения этой великой эпохи любопытно взглянуть и на *частный быт* того времени...» [Толычова, 1865, с. 3].

Вопрос о частной жизни людей в разные исторические эпохи стал предметом внимания отечественной историографии только на рубеже XX–XXI веков, поэтому с полным основанием можно говорить о том, что как историк Новосильцева значительно опередила свое время. Вместе с тем в таком внимании к подробностям повседневной жизни мирных людей в военное время, в сфокусированности на эмоционально-нравственной стороне событий [Острейковская, 2011, с. 159] можно видеть особенность женского подхода к истории.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в записанных Новосильцевой рассказах доминирует мотив милосердия, «милости к падшим». Такой подчеркнута гуманистический характер нарратива во многом определялся фактором времени: Новосильцева записывала устные рассказы спустя более полстолетия после войны, и эта хронологическая дистанция естественным образом сглаживала остроту восприятия информантами прошлых бедствий. При этом важно также учитывать личностные особенности мемуаристов, из которых многие принадлежали к церковной среде. Вполне вероятно также, что общение с информантами происходило в ситуации диалога, о чем свидетельствует, например, такой фрагмент: «А нам почем знать, кто у нас разбойничал, французы ли, другие ли какие? У нас всё француз да француз» [Т.Н., 1872, с. 299]. Таким образом, нельзя исключать причастность к созданию нарратива самой собирательницы, которая определенным образом направляла информантов и гуманизировала общий тон рассказов.

¹ Новосильцева поставила перед собой задачу, которую определяла следующим образом: «...нам дорога малейшая подробность, относящаяся к кровавой эпохе Наполеоновского нашествия, и мы поставили себе долгом записывать все, что слышим от ее современников» [Толычева, 1884, с. 2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Острейковская, Н.В. Новосильцева Екатерина Владимировна / Н.В. Острейковская // Русские писательницы XIX – начала XX века: Тексты и судьбы: Учебное пособие по спецкурсу / Науч. ред. Е.Н. Строганова. – Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2006. – С. 63–71.

Острейковская, Н.В. Отечественная война 1812 года в мемуарных записях Е.В. Новосильцевой / Н.В. Острейковская // Вопросы литературы. – 2011. – № 6. – С. 144–159.

Острейковская, Н.В. Французы и русские как «приятели-враги» в произведениях Т. Толычевой / Н.В. Острейковская // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков. Материалы конференции / Под ред. Р. Нохейль, Ф. Карл, Э. Шоре. – М.: РГГУ, 2010. – С. 259–268.

Т.Н. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе / Е.В. Новосильцева // Русский вестник. – 1872. – № 11. – С. 266–304.

Т.Н. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе / Е.В. Новосильцева. – М.: Университетская типография, 1872. – 54 с.

Тартаковский, А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения / А.Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1980. – 312 с.

Толстой, Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 6 / Л.Н. Толстой. – М.: Художественная литература, 1980. – 447 с.

Толычева Т. Приемьш: Повесть из того времени, как французы брали Москву / Т. Толычева. – М.: Типография Бахметева, 1870. – 36 с.

Толычева Т. Рассказ о двенадцатом годе богадельника Набилковского заведения Павла Федоровича Герасимова / Т. Толычева. – М.: Университетская типография, 1882. – С. 1–12.

Толычева Т. Рассказ о двенадцатом годе Г.К. Рожновой, живущей в Покровской богадельне / Т. Толычева // Московские ведомости. – 1884. – № 37. – 6 февраля.

Толычева Т. Рассказ старушки о двенадцатом годе Т. Толычевой / Т. Толычева. – М.: Университетская типография, 1878. – 93 с.

Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе, собранные Т. Толычовой / Т. Толычева. – М.: Типография В. Готье, 1873. – 173 с.

Толычева Т. Рассказы очевидцев о двенадцатом годе, собранные Т. Толычовой (Е.В. Новосильцовой) / Т. Толычева. – М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1912. – 2-е изд. – 115 с.

Толычева Т. Смоленск и его предания о двенадцатом годе Т. Толычева // Русский вестник. – 1880. – № 11. – С. 199–229.

Толычова Т. Рассказы о двенадцатом годе Т. Толычева // Детское чтение. – 1865. – Т. 1. – С. 3–14.